

JEZYKOZNAWSTWO*Dorota Krystyna Rembiszewska*

Warszawa, Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk

Janusz Siatkowski

Uniwersytet Warszawski

**ПОЛЬСКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ
(СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОННЫЙ ПОДХОДЫ)****The Polish-East Slavic Borderland – a Synchronic and Diachronic Approach**

ABSTRACT: To study language contact in the Polish-East Slavic borderland, we employ extensive subdialect records from atlases, dictionaries, monographic studies, and various file collections. Significantly, however, all of the above lack historical information about the words they contain. Such data can be obtained by using local names and by taking into account all pan-Slavic references. Such comparisons justify the conclusion that historically many of the presented names extended far further westward than is indicated by typically used materials, mainly from the 20th century, though much less frequently from the second half of the 19th century. This sheds new light on the problem of whether the names in question are loan words, naturally older than had previously been thought, or rather relics of former regional convergence, covering the broad Polish-Russian language borderland, and constituting the Mazovian-Russian community.

KEYWORDS: language contact, Slavic dialectology, subdialect lexis, dialektal geography, linguistic bordeland

Рассматривая слова, которые могут указывать на древние заимствования, следует обращаться к археологическим и историческим фактам, касающимся территории распространения данных лексем. В середине XIII века некоторые местности северо-восточной Мазовии такие как, например, Визна, Свенцк, Рай (Райгруд) были расположены на пути, соединяющем Русь с Судаваем

(Ятвягий). Этот путь проходил далее на территорию Мазовии до Плоцка через Маков¹. В то же время (и раньше, еще в XI веке) действовал водный путь Днепр-Припять-Буг-Висла². Это может быть аргумент в пользу взаимопроникновения языковых элементов.

Я. Тышкевич в работе *Северо-Восточная Мазовия в раннем Средневековье (Mazowsze północno-wschodnie we wczesnym średniowieczu)*, Варшава, 1974 г., указывает: «Не останавливаясь на этнических и далее культурных проблемах территории Червенских городов, после более тщательного исследования археологических находок из бассейна верхней реки Нарев и средней части реки Буг (бассейны рек Лесна, Мухавец), представляется возможным определение во втором случае западнославянского характера первоначального поселения» (с. 147). Подляшские курганы-могильники VII-Xвв., связанные с погребальным обрядом (сжиганием трупов на месте захоронения), могут служить подтверждением этой гипотезы.

До сих пор неподтвержденным является тезис о существовании «на территории антропорегиона Подляшских возвышенностей (высочизн) западнославянского 'небольшого племени'»³. Присутствие культурного и поселенческого комплекса оседлого староподляшского племени в некоторой степени помогло бы разгадать загадку существования одних и тех же слов на пограничных восточно- и западнославянских территориях.

В ходе нашего исследования польско-восточнославянских пограничных территорий, на основе богатого диалектного материала, содержащегося в атласах, словарях, монографиях и картотеках, пришлось столкнуться с основной трудностью, то есть отсутствием исторической информации о материалах, касающихся только лишь говоров⁴. Несмотря на это, было обнаружено много слов, где новые сведения, особенно подтверждения в местных географических названиях и общеславянские сходства, позволяют нам утверждать, что исторически они охватывали территорию, простиравшуюся намного дальше на запад, чем утверждают используемые источники, в основном XX века, реже второй половины XIX века.

Следует задать вопрос, всегда ли ранние подтверждения на пограничье свидетельствуют о ранних лексических заимствованиях, относящихся к Средневековью, или все же они являются архаизмами, отражающими старые соответствия (сходства), давнюю общность с восточнославянскими языками.

¹ А. Kamiński, *Wizna na tle pogranicza polsko-rusko-jaćwieskiego*, „Rocznik Białostocki”, Białystok 1961, t. 1, s. 18.

² Там же, с. 21.

³ J. Tyszkiewicz, *Mazowsze północno-wschodnie we wczesnym średniowieczu*, Warszawa 1974, s. 189. Перевод наш (D. K. R. и J. S.).

⁴ Ср. D.K. Rembiszewska, J. Siatkowski, *Pogranicze polsko-wschodniosłowiańskie. Studia wyrazowe*, Warszawa 2018; D.K. Rembiszewska, J. Siatkowski, *Nawiązania czy pożyczki na pograniczu polsko-wschodniosłowiańskim*, cz. III, „Rocznik Słowistyczny” 2019, t. LXVIII, s. 49-101.

На этой территории все еще появляются сомнения, имеем ли мы дело с лексическими восточнославянскими влияниями или с польскими лексическими архаизмами, сохранившимися под восточнославянским влиянием⁵. Учитывая неоднозначность термина «влияние», сформулируем вопрос иначе: имеем ли мы дело с восточнославянскими заимствованиями или с местными (исконными) архаизмами, сохранение которых можно отнести к интерференции восточнославянских языков. Это уточнение имеет большое значение, потому что интерференцию, поддерживающую местные (исконные) архаизмы, также иногда называют заимствованиями (ср. ниже).

Обзор слов с этими ранее неизвестными подтверждениями приводит к неожиданным выводам, которые будут представлены ниже.

Широкий территориальный охват отмечается у восточнославянских названий, связанных с восточным типом конской упряжи с двумя оглоблями (*holoble*) для одной лошади, и дугой (*duha*) (согнутым тонким стволом дерева в форме перевернутой буквы U, находящейся над хомутом). Этот тип упряжи со временем постепенно исчезал, но, несмотря на это, заимствования с иностранными фонетическими особенностями доходили даже до Варшавы, что подтверждают использованные материалы⁶. В данном случае иноязычные фонетические признаки в обоих словах свидетельствуют о принятии старых заимствований.

Основываясь на том, что северо-восточный территориальный охват характерен для восточнославянских заимствований, исследователи Веренич, Курцова и Костецка-Садова считают, что лексема *skowroda* ‘сковорода’ была заимствована с Востока⁷. Только Рембишевска⁸ обращает внимание на тот факт, что в этом слове отмечается регулярное польское развитие группы *tort, вместо ожидаемого полногласия. В контексте польских топонимов и общеславянских сочетаний, факт заимствования вызывает сомнения.

Сегодня в Ловичском повяте, в гмине Хонсьо, находятся две деревни: *Skowroda Południowa* и *Skowroda Północna*. Запись *Skowroda* появляется в начале XV века: 1428, 1478, 1513-1523 и т. д. Это название происходит от апеллятива *skowroda* ‘сковорода’, в топонимическом смысле, вероятнее всего, ‘плоское место’⁹. Также в Келецком повяте в окрестностях города Пиньчув находится

⁵ Por. J. Kość, *Archaizmy a interferencje w strefie polsko-ukraińskich kontaktów językowych*, „Slavia Orientalis” 2000, t. XLIX, nr 3, s. 451-462 (большая там литература нами не приводится).

⁶ Ср. D.K. Rembiszevska, J. Siatkowski, *Pogranicze...*, s. 107-122.

⁷ В.Л. Веренич, *Польско-белорусское взаимодействие (на материале мазурского островного говора в Полесье)*, „Studia nad polszczyzną kresową” 1990, t. V, s. 109; Z. Kurzowa, *Język polski Wileńszczyzny i Kresów północno-wschodnich XVI-XX w.*, Warszawa – Kraków, s. 429; A. Kostecka-Sadova, *Rzeczownikowe zapożyczenia wschodniosłowiańskie w gwarach polskich*, Kraków 2015, s. 251.

⁸ D.K. Rembiszevska, *Słownik dialektu knyszyńskiego Czesława Kudzinowskiego*, Łomża 2007, s. 56.

⁹ См. *Nazwy miejscowe Polski. Historia – pochodzenie – zmiany*, под ред. К. Rymuta, В. Czopek-Korpciuch и U. Bijak, t. XIV: Sk-Sn, Kraków 2017, s. 59 (NMP).

зафиксированное еще ранее *Skowronno*, сегодня две деревни *Skowronno Dolne* и *Skowronno Górne*. Первоначальные записи названия этой деревни: *Skowrodlno*, *Scowrodne* (1174-1176), *Skowrodno* (1210), *Scowrodlno* (1256), *Scowrodlno* (1397), *Skowrodno* (1470-1480, *Skowrodlno* (1504), *Skowrodno* (1564-1565) бесспорно указывают на первоначальное *Skowrodno/Skowrodne* (иногда с вставным *-l-*), происходящее от древнепольского *skowroda* ‘сковорода’, в переносном значении ‘плоское место’. Современная форма возникла в результате упрощения группы *-dn-* > *-n-* или отражает народную этимологию¹⁰.

Следует также обратить внимание на то, что в этимологических словарях, охватывающих всю территорию Славии, польское слово *skowroda* нигде не рассматривается как заимствование¹¹. Оказывается, что слово **sk(o)vorda* не ограничивается существованием только в восточнославянских языках и в польском языке, а территориальный охват этого корня общеславянский. Эта лексема зафиксирована даже в Супрасльской рукописи, где находим слово **сковрада** ‘сковорода’¹², которое было заимствовано в румынский язык как *scovardă* в значении ‘лепешка, блин’¹³. Поэтому нет никаких оснований отрицать, что это слово могло также встречаться на региональном уровне в польском языке.

Таким образом, вместо белорусского заимствования XII и XV века, следует принять ранее (до метатезы группы *tort*) сходство, охватывающее восточную Славию и значительную часть восточной Польши. В целом эта лексема является общеславянской. Фонетически чужие слова *skawroda* на территории в окрестностях города Сейны и в Литве, а также *skoworoda* у польских переселенцев из окрестностей города Новогрудок следует рассматривать, в свою очередь, как заимствованные¹⁴.

На основе истории и сегодняшнего территориального охвата в польских говорах, следует считать, что признание слова *koczerga* ‘устройство для выгребания угля из хлебной печи’, ‘кочерга’ восточнославянским заимствованием¹⁵ кажется обоснованным. В настоящее время эта лексема обычно воспринимается как иностранная.

¹⁰ Cp. U. Wójcik, *Nazwy miejscowe dawnego województwa rawskiego*, Warszawa – Kraków 2001, s. 146, NMP XIV 60.

¹¹ Cp. V. Machek, *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha 1968, s. 548-549, М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с нем. и дополнения Олега Н. Трубачева, т. III, Москва 1971, с. 644 (Фасмер, ЭСРЯ); *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, рэд. Віктар У. Мартынаў, Генадзь А. Цыхун, т. XII, Мінск 2008, с. 99 (ЭСБМ); *Етимологічний словник української мови*, 1982-2012, ред. Олександр С. Мельничук, т. V, Київ 2006, с. 277-278 (ЕСУМ); *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*, red. E. Havlová, A. Erhart, I. Janyšková, Seš.14, Praha 2008, s. 824-825.

¹² *Slovník jazyka staroslověnského*, red. J. Kurz, Z. Hauptová, sv. IV, Praha 1997, s. 89.

¹³ H. Tiklin, *Rumänisch-deutsches Wörterbuch*, т. III, Bukarest 1925, s. 1391.

¹⁴ Cp. D.K. Rembiszewska, J. Siatkowski, *Nawiązania...*, s. 81-85.

¹⁵ Z. Sawaniewska-Mochowa, *Poradnik Jana Karłowicza jako źródło poznania potocznej polszczyzny północnokresowej*. *Słownictwo*, „Polono-Slavica Varsoviensia”, т. V, Warszawa 1990, s. 163-164; A. Kostecka-Sadowa, *Rzeczownikowe zapożyczenia...*, s. 241-242.

Новые ономастические материалы показывают, что, несмотря на отсутствие ранних подтверждений имени нарицательного *koczerga* в польском языке, оно давно хорошо известно в Польше на региональном уровне. Его можно заметить в нескольких топонимах.

Деревня *Koczargi* (сегодня *Stare Koczargi* и *Nowe Koczargi*, соседствующие на севере непосредственно с Варшавой, с районом Бабице) упоминается с начала XV века (1419, 1423, 1450 ит. д.). Деревня *Koczarki* в Мазурии недалеко от местности Кентшин, первоначально называемая *Pogorzele*, в середине XVI века получила название *Koczargi, Koczarki (Kotzargen, Kotziarken, Koczarki)*. Название было перенесено сюда поселенцами из Мазовии¹⁶.

Ранние записи перечисленных названий местностей, находящихся вблизи Варшавы и Кентшина в Мазурии, убедительно свидетельствуют о том, что их основа – имя нарицательное *koczerga* – была давно известна в Мазовии даже за пределами Варшавы. Это дает возможность сомневаться в том, что это русское заимствование. Формы с *-g-* были бы у нас первоначальными, только формы с *-h-* следует считать результатом влияния белорусского и украинского языков.

Раннее сходство было отмечено уже Ф. Славским: «у Кнапского это, вероятнее всего, еще частично сохранившееся исконное слово, одна из мазовецко-русских общностей»¹⁷, и несмотря на это он дальше пишет, что «сегодня как восточный провинциализм несомненное заимствование с Руси». Следует понимать это таким образом, что первоначально это была исконная лексема, но она исчезла и только позже была вновь перенята из восточнославянских диалектов. По-видимому, более вероятным является, что первоначально региональное исконное слово немного отступило, сохранившись на пограничной территории¹⁸.

Такая давняя связь предположительно имеется также в случае широкого территориального охвата в польских говорах названия *wyszki* ‘чердак в сарае или в коровнике / в хлеву’. На этот широкий охват указывает встречающаяся в окрестностях местностей Жнин, Гнезно и Вжесня лексема *wyszunek*, которая является, несомненно, контаминацией первоначального названия *wyszka* и чаще встречающегося здесь более позднего заимствования *rus(z)tunek*, а также его дальнейшая трансформация в название *myszunek*, широко известное в центральной и восточной частях Великой Польши. География лексем свидетельствует скорее всего о том, что это давняя белорусско-украинско-словацко-польская инновация (которой реликты сохранились также в западной Польше), а не заимствование, о чем может свидетельствовать территориальный охват названия *wyszki*, описываемый в разных трудах по диалектологии. Мы также неправильно упомянули возможность исчезновения этого слова на определенных территориях и вторичное восточнославянское заимствование¹⁹.

¹⁶ Ср. NMP V 37, 38.

¹⁷ F. Sławski, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, t. II, Kraków 1965, s. 321-322 (Sławski SE).

¹⁸ Ср. D.K. Rembiszevska, J. Siatkowski, *Nawiązania...*, s. 56-60.

¹⁹ Ср. D.K. Rembiszevska, J. Siatkowski, *Pogranicze...*, s. 225-232.

Агата Квасьницка-Янович название *ženich*, *żeniuch* ‘мужчина, который женится’ считает восточнославянским заимствованием, принимая во внимание его широкое распространение в польских говорах²⁰. Исследователь, поддерживая и шире обосновывая свое мнение, указывает на то, что подтверждение более широкого распространения названий *ženich*, *żeniuch* «может быть свидетельством принадлежности этой группы лексем, признанных в польских говорах (на польско-украинском и польско-белорусском, а также на польско-словацком и чешском пограничьях, в Силезии, Кашубии или в Великой Польше) общим праславянским наследием,... что, однако, не исключает его восточнославянского происхождения в говорах юго-восточной части Малой Польши». Следовательно, в некоторых районах Польши *ženich*, *żeniuch* – это праславянское наследие, а на восточном пограничье является заимствованием²¹. Употребление термина «заимствование» является здесь совершенно неоправданным.

В свете фактов, представленных Квасьницкой и дополненных нами, слова *ženich* и *żeniuch* следует считать праславянскими и общеславянскими лексемами, которые на нашей периферии сохранились в виде реликтов. Их наличие поддерживалось в Силезии чешским соседством, а на восточной границе – русским окружением. Считая данные слова заимствованиями на восточной пограничной территории, мы предполагаем, что несмотря на то, что они ранее существовали, но позднее исчезли и со временем были восстановлены в результате иностранного влияния. Никаких доказательств этого нет. Мы наблюдаем, однако, постоянный уход региональных лексем на восточной периферии. Как следствие, было бы более оправданным принять вторичное чешское влияние в Силезии в связи с высоким авторитетом чешского языка в этом регионе, но все же мы в этом не уверены.

Аналогичная ситуация наблюдается и в случае лексемы *żywot* в значении ‘живот, желудок’, которую А. Костецка-Садова помещает в публикации о восточнославянских заимствованиях. Ученая мотивирует это тем, что «это слово встречается во всех восточнославянских языках» и, в отличие от польских говоров, оно лишено там отрицательной стилистической окраски. Прежде всего следует отметить, что эта лексема в данном значении не ограничивается только восточнославянскими языками и польскими говорами, но встречается также и в других славянских языках. Упомянутая отрицательная окраска необязательно свидетельствует о влиянии. Она может возникать из убеждения, что одно из чередующихся названий является иностранным, в виду того что встречается у соседей. Сравнительно-исторические аргументы свидетельствуют о том, что убеждение в неродном происхождении лексемы является в данном случае ложным.

²⁰ A. Kwaśnicka, *Polsko-ukraińskie związki leksykalne w zakresie obrzędowości weselnej w gwarach okolic Przemyśla*, Kraków 2005, s. 115-116, 123-125.

²¹ A. Kwaśnicka-Janowicz, *Żywotność wschodnich sławizmów leksykalnych w gwarach Małopolski południowo-wschodniej*, „LingVaria” 2008, III/1, s. 133-139.

На карте ОЛА IX 50, стр. 134-136²² заметно, что лексема *żywot* в значении ‘живот’ за пределами восточной Славии была зафиксирована также в Словакии, Чехии, Лужицах, Польше и даже в Словении. В настоящее время она уже часто является архаизмом, но у нее есть подтверждения в древних источниках²³. Разделяя мнение В. Борыся²⁴, мы считаем, что уже праславянское слово **životъ* употреблялось в обоих значениях ‘жизнь’ и ‘живот’, и нельзя предполагать сдвиг семантики только в восточнославянских языках, в связи с тем, что значение ‘живот’, ‘тело’ характерно для многих славянских языков.

Кроме того, слово *żywot* в значении ‘живот, желудок’ довольно широко известно в польских говорах, потому что к материалам, собранным уже самой Костецкой-Садовой, можно добавить намного больше подтверждений из других, чем восточная пограничная часть Польши, территорий, между прочим, из картотеки SGP: *živuot* и *žot*²⁵, а также *žot* с выражениями и пословицами из Кашубии²⁶, *żywot* из региона Великой Польши²⁷, из деревни Данковице в гмине Виламовеце в Силезии, из деревни Недзведза, недалеко от города Бжеско (Малая Польша) и т. д.

Вопреки названию публикации, в конечном итоге автор сводит влияние русских языков к поддержанию этого архаизма в польских говорах, и в связи с этим – как Д. Рембишевска²⁸ – считает слово *żywot* в значении ‘желудок’ исконным, что расходится с мнением Кудзиновского.

Лексема *płozu* (часть саней) относится к словам, встречающимся на территории восточной Польши²⁹, на основе чего М. Кондратиук считал ее белорусским заимствованием³⁰. Однако, за пределами изоглоссы, которая охватывает восточную часть Мазовии, Подляшья и восточную часть люблинского региона, она была отмечена редко на территориях близ Закопане, Конины, а также в словинском диалекте жителей деревни Клюки в окрестностях Слупска³¹. В сопоставлении с другими славянскими языками это позволяет

²² *Общеславянский лингвистический атлас*. Серия лексико-словообразовательная, вып. 9, 2009: *Человек*. *Ogólnosłowiański atlas językowy*, Seria leksykalno-słowotwórcza, t. 9. *Człowiek*, red. J. Siatkowski, J. Waniakowa, t. IX, Kraków.

²³ J. Siatkowski, *Słowiańskie nazwy części ciała w historii i dialektach*, Warszawa 2012, s. 190-191.

²⁴ W. Boryś, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków 2005, s. 760 (Boryś SE).

²⁵ F. Lorentz, *Pomoranišches Wörterbuch*, fortgeführt von Fr. Hinze, Berlin, B. III, 1973, S. 1184-1185, 1192-1193, B. V, 1983, S. 2070-2071.

²⁶ B. Sychta, *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*, t. VI, Wrocław 1973, s. 311.

²⁷ *Atlas języka i kultury ludowej Wielkopolski*, t. X, red. Z. Sobierajski i W. Burszta, Wrocław 2002, m. 818, s. 141.

²⁸ D.K. Rembiszevska, *Słownik dialektu knyszyńskiego...*, Łomża 2007, s. 58.

²⁹ *Mały atlas gwar polskich*, opr. przez Pracownię Atlasu i Słownika Gwar Polskich Zakładu Językoznawstwa PAN w Krakowie pod kier. K. Nitscha, od t. III pod kier. M. Karasia i Z. Stamirowskiej, od t. IX pod kier. M. Karasia, Wrocław, t. II, k. 51, s. 5-7, t. XII, k. 597, s. 182-186 (MAGP).

³⁰ M. Kondratiuk, [ankieta w:] *Беларуска-польскія ізалексы*, Мінск 1975, с. 54.

³¹ MAGP, t. II, m. 51, s. 5-7.

предположить, что это праславянское и общеславянское слово³², т. е. исконное в польском языке.

Встречаемые на юге Польши польские формы, такие как *lastówka*, *lastówka*, *lasztówka*, *lasztówka*, *lastawiczka*, *lastawiczka*, *lasztowiczka* и *wlasztówka*³³, уже давно считались заимствованиями из чешского и/или словацкого языков³³, а названия ласточки, которые представляют первоначальную форму **last-ov-ъk-a*, на восточной пограничной территории Польши и в польских приграничных диалектах повсеместно считают восточнославянскими заимствованиями: белорусскими и/или украинскими³⁴.

С синхронной точки зрения, действительно, к ним следует относиться таким образом.

Однако, если согласиться с общепринятым мнением, что названия ласточки с инициальным *l-* являются в Славии более распространенными и в связи с этим первоначальными, а формы с *j* в польском и нижнелужицком языках возникли вторично путем адидеации к звукоподражательному **jaskati*, **jaskotъ*, **jaskota-ti*³⁵, тогда формы с инициальным *l-*, встречающиеся в периферийных польских диалектах, как на юге, так и на востоке, следует рассматривать как реликты давнего состояния, а не как заимствования. Несмотря на отсутствие четкого ответа на этот вопрос, именно здесь следует видеть причину того, что М. Фасмер³⁶ и О. Трубачев³⁷ признали польские формы с *l-* нормальными (исконными) континуантами праславянского слова **last-ov-ъk-a*. Возможно, этимологам придется изменить эту интерпретацию.

В славянских странах у слов *kozytać* ‘щекотать, ласкать’, *kozytki* ‘щекотки’ ограниченный территориальный охват, они встречаются в белорусском, русском и польском языках.

Нововејски³⁸ и независимо от него Курцова³⁹ причисляют лексемы *kozytać* ‘щекотать, ласкать’, *kozytki* ‘щекотки’ к белорусским (восточнославянским)

³² Ср. Boryś SE 446.

³³ Ср. J. Karłowicz, *Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim*, t. III: *L-N*, Kraków 1905, s. 337, J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki (red.), *Słownik języka polskiego* (tzw. *Słownik warszawski*), t. II, Warszawa 1902, s. 689 (SW), Sławski SE I 513, V 30.

³⁴ J. Karłowicz, *Słownik wyrazów*; SW II 689; Sławski I 513, V 30, *ibidem*; Kondratiuk, *ankiety*, s. 50-51; MAGP, t. IV, m. 193, s. 120-124; ЕСУМ III 198-199; D.K. Rembiszewska, *Słownik dialektu...*, s. 170; J. Rieger, *Ukraińskie interferencje w słownictwie polszczyzny w Galicji*, [В:] *Українська мова в Галичині: історичний вимір*, (ред.) Я. Ісаєвич, М. Мозер, Н. Хобзей, Львів 2011, с. 114; A. Kostecka-Sadowa, *Rzeczownikowe zapożyczenia...*, s. 298-299, 310.

³⁵ Ср. Sławski SE I 513.

³⁶ М. Фасмер, ЭСРЯ II 279.

³⁷ *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, 1974-, ред. Олег Н. Трубачев (Анатолий Ф. Журавлев, Жанна Ж. Варбот), т. XIV, с. 45, Москва.

³⁸ В. Nowowiejski *Z zagadnień kontaktów językowych*, Białystok 2010, s. 241, 217, 281.

³⁹ Z. Kurzowa, *Język polski Wileńszczyzny i Kresów północno-wschodnich XVI-XX w.*, Warszawa – Kraków 1993, s. 376.

заимствованиям. Однако этимологи, не упоминают о возможности такого влияния⁴⁰ (но соглашаются с возможностью белорусского влияния на русские говоры).

Наибольшая частотность употребления этих слов в Беларуси. В белорусском атласе лексема *казытаць* создает сплоченный ареал на юго-западе страны⁴¹. Многочисленные подтверждения слова *казытаць* содержит также словарь пограничья⁴², а картотека АГWB⁴³ – подтверждения из восточнославянских говоров в Белостокском регионе. Лексема *казытаць* ‘щекотать, ласкать’ и производные формы вошли также в белорусский литературный язык⁴⁴.

В русском языке она встречается редко. Даль⁴⁵ считает лексему *kozytáť* ‘щекотать пальцами или рожками’ западной, что цитирует диалектный словарь, добавляя *козюкáť* ‘тс.’ из окрестностей Курска⁴⁶. В Украине нам не удалось их найти.

В польском языке слова *kozytać* ‘щекотать’ и *kozytki* ‘щекотки’ являются широко известными регионализмами. Они встречаются в Вильнюсском регионе в разговорном польском языке и в говорах, на восточной пограничной территории в сувалкском регионе, а также в окрестностях Августова, Белостока, Соколки, Тыкоцина и Кнышина. Они были использованы Эдуардом Редлинским в романе *Коноплянка*: «I żyta nie tykajście, bo *Kózytka zakózytze*» («Не трогай ржи, потому что *Kózytka zakózytze*»), то есть ‘защекочет’⁴⁷.

Гедройц ввел лексемы *kozytać* ‘щекотать’ и *kozytanie* в свой медицинский словарь⁴⁸. Их отмечают Вильнюсский словарь и Варшавский словарь⁴⁹. Левашкевич приводит *kozytać* ‘щекотать’ из языка переселенцев из города Новогрудок⁵⁰.

⁴⁰ Ср. J. Karłowicz, *Słownik...*, t. III: *L-N*, Kraków 1905, s. 308, М. Фасмер ЭСРЯ II 279, ЭСБМ IV 94–95.

⁴¹ *Лексічны атлас беларускіх народных гаворак у пяці тамах*, (рэд.) М.В. Бірыла, Ю.Ф. Мацкевіч, Мінск 1993–1998, т. III, к. 80, с. 48 (ЛАБ).

⁴² *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча у пяці тамах*, рэд. Ю.Ф. Мацкевіч, т. II, Мінск 1980, с. 363, 494.

⁴³ *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny*, (red.) S. Glinka, A. Obrębska-Jabłońska, J. Siatkowski, Wrocław 1980, t. I, s. 112.

⁴⁴ *Глумачальны слоўнік беларускай мовы*, рэд. К.К. Атраховіч (К. Крапіва), т. II, Мінск 1978, с. 578, 707.

⁴⁵ В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. II, Москва 1905, с. 132.

⁴⁶ *Словарь русских народных говоров*, составил (с II т. гл. ред.) Ф.П. Филин (Ф.П. Сороколетов), Москва – Ленинград 1978, т. XIV, с. 79.

⁴⁷ E. Redliński, *Konopielka*, Warszawa 1973, s. 77.

⁴⁸ F. Giedroyc, 1931–1933, *Polski słownik lekarski*, Warszawa 1931, t. I, s. 329.

⁴⁹ *Słownik języka polskiego*, wypracowany przez A. Zdanowicza, M. Bohusza Szyszkę i in., t. 1–2, Wilno (tzw. Słownik wileński) 1861, t. I, s. 539 (SWil); SW II 516.

⁵⁰ T. Lewaszkievicz, *Język powojennych przesiedleńców z Nowogródka i okolicy*, Poznań 2017, s. 409.

Этимологию слова *kozytać* 'щекотать, ласкать' объяснил уже Карлович «кажется, что от *kozy*, а именно от козлиных рогов, на которые похожи два выставленных пальца, которые щекочут»⁵¹. Такое же объяснение принято тоже в ЭСБМ⁵², по аналогии с русским диалектным словом с похожим значением *казюкать* 'щекотать' из окрестностей Курска. В формальном отношении, польская лексема *kozytać* лишена каких-либо чужих признаков.

Представленный материал показывает, что лексема **kozitati* встречалась чаще всего в западной части Беларуси и на белорусско-польском пограничье. Ее территориальный охват, простирающийся значительно дальше к западу, чем предел, установленный для этих языков, является основой для того, чтобы считать эту лексему белорусским заимствованием. Связь с народными преданиями, и в связи с этим их архаичность, свидетельствуют скорее о древней белорусско-польской инновации.

Опыт работы над Общеславянским лингвистическим атласом позволяет нам констатировать, что территориальный охват отдельных слов часто не совпадает с границами, установленными для отдельных языков. Часто возникают ареалы, которые превышают любые языковые пределы. Приведенные здесь примеры показывают, что в прошлом они имели в Польше гораздо более широкий охват. С течением времени он значительно сократился в результате ухода этих слов на периферию. Их сегодняшний территориальный охват несомненно позволяет считать их заимствованиями. Впрочем, сейчас они часто воспринимаются как чужие. В действительности, они являются реликтами давнего регионального сходства, которое охватывает широкую польско-русскую пограничную языковую зону, образуя уже ранее принятую мазовецко-русскую общину.

Сокращения

- (AGWB) – *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny*, red. S. Glinka, A. Obrębska-Jabłońska, J. Siatkowski, Wrocław 1980, t. I.
- (Boryś SE) – W. Boryś, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków 2005.
- (MAGP) – *Mały atlas gwar polskich*, opr. przez Pracownię Atlasu i Słownika Gwar Polskich Zakładu Językoznawstwa PAN w Krakowie pod kier. K. Nitscha, od t. III pod kier. M. Karasia i Z. Stamirowskiej, od t. IX pod kier. M. Karasia, Wrocław, t. II, m. 51, s. 5-7, t. XII, k. 597, s. 182-186
- (NMP) – *Nazwy miejscowe Polski. Historia – pochodzenie – zmiany*, pod red. K. Rymuta, B. Czopek-Kopciuch i U. Bijak, t. XIV: Sk-Sn, Kraków 2017, s. 59
- (Sławski SE) – F. Sławski, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, t. II, Kraków 1965.
- (SW) – J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki (red.), *Słownik języka polskiego* (tzw. *Słownik warszawski*), t. II, Warszawa 1902.
- (SWil) – *Słownik języka polskiego*, wypracowany przez A. Zdanowicza, M. Bohusza Szyszkę i in., t. 1-2, Wilno (т. наз.: *Słownik wileński*) 1861.

⁵¹ Cp. J. Karłowicz, *Słownik...*, t. III: L-N, Kraków 1905, s. 308.

⁵² ЭСБМ, т. IV, с. 94-95.

- (ЛАБ) – *Лексічны атлас беларускіх народных гаворак у пяці тамах*, (рэд.) М.В. Бірыла, Ю.Ф. Мацкевіч, Мінск 1993-1998.
- (ОЛА) – *Общеславянский лингвистический атлас*. Серия лексико-словообразовательная, вып. 9, 2009: *Человек*. *Ogólnosłowiański atlas językowy*, Seria leksykalno-słowotwórcza, t. 9. *Człowiek*, red. J. Siatkowski, J. Waniakowa, t. IX, Kraków
- (Фасмер, ЭСРЯ) – М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с нем. и дополнения О.Н. Трубачева, т. III, Москва 1971.
- (ЭСБМ) – *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, рэд. В.У. Мартынаў, Г.А. Цыхун, Мінск 2008
- (ЕСУМ) – *Етимологічний словник української мови*, 1982-2012, ред. Олександр С. Мельничук, Київ 2006.

References

- Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny*, red. S. Glinka, A. Obrębska-Jabłońska, J. Siatkowski, Wrocław 1980, t. I.
- Atlas języka i kultury ludowej Wielkopolski*, t. X, red. Z. Sobierajski i W. Burszta, Wrocław 2002.
- Boryś W., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków 2005.
- Dał' V.I., *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*, t. II, Moskva 1905.
- Etymalohichny slovnyk byelaruskay movy*, red. V.U. Martynaw, H.A. Tsykhun, t. XII, Minsk 2008.
- Etymologický slovník jazyka staroslověnského*, red. E. Havlová, A. Erhart, I. Janyšková, Seš.14, Praha 2008.
- Etymologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond*, 1974-, red. O.N. Trubachev (A.F. Zhuravlev, Zh.Zh. Varbot), t. XIV, s. 45, Moskva.
- Etymolohichnyy slovnyk ukrayins'koyi movy*, 1982-2012, red. O.S. Mel'nychuk, t. V, Kyiv 2006.
- Fasmer M., *Etymologicheskij slovar' russkogo yazyka*. Perevod s nem. i dopolneniya O.N. Trubacheva, t. III, Moskva 1971.
- Giedroyć F., 1931-1933, *Polski słownik lekarski*, Warszawa, t. I, 1931.
- Kamiński A., *Wizna na tle pogranicza polsko-rusko-jaćwieskiego*, „Rocznik Białostocki”, t. I, Białystok 1961.
- Karłowicz J., *Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim*, t. III: L-N, Kraków 1905.
- Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. (red.), *Słownik języka polskiego (tzw. Słownik warszawski)*, t. II, Warszawa 1902.
- Kondratiuk M., [ankieta w:] *Byelaruska-pol'skiya izalyeksy*, Minsk 1975.
- Kość J., *Archaizmy a interferencje w strefie polsko-ukraińskich kontaktów językowych*, „Slavia Orientalis” 2000, t. XLIX, nr 3, s. 451-462.
- Kurzowa Z., *Język polski Wileńszczyzny i Kresów północno-wschodnich XVI-XX w.*, Warszawa – Kraków 1993.
- Kwaśnicka A., *Polsko-ukraińskie związki leksykalne w zakresie obrzędowości weselnej w gwarach okolic Przemyśla*, Kraków 2005.
- Kwaśnicka-Janowicz A., *Żywotność wschodnich slawizmów leksykalnych w gwarach Małopolski południowo-wschodniej*, „LingVaria” 2008, nr III/1.
- Mały atlas gwar polskich*, opr. przez Pracownię Atlasu i Słownika Gwar Polskich Zakładu Językoznawstwa PAN w Krakowie pod kier. K. Nitscha, od t. III pod kier. M. Karasia

- i Z. Stamirowskiej, od t. IX pod kier. M. Karasia, Wrocław, t. II, m. 51, s. 5-7, t. XII, m. 597, s. 182-186.
- Nazwy miejscowe Polski. Historia – pochodzenie – zmiany*, pod red. K. Rymuta, B. Czopek-Kopciuch i U. Bijak, t. XIV: Sk-Sn, Kraków 2017.
- Kostecka-Sadowa A., *Rzeczownikowe zapożyczenia wschodniosłowiańskie w gwarach polskich*, Kraków 2015.
- Lewaszkiwicz T., *Język powojennych przesiedleńców z Nowogródka i okolicy*, Poznań 2017.
- Lorentz F., *Pomoranisches Wörterbuch*, fortgeführt von Fr. Hinze, Berlin, B. III, 1973, S. 1184-1185, 1192-1193, B. V, 1983, S. 2070-2071.
- Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha 1968.
- Nowowiejski B., *Z zagadnień kontaktów językowych*, Białystok 2010.
- Obshchslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatel'naya*, vyp. 9, 2009: *Chelovek. Ogólnosłowiański atlas językowy, Seria leksykałno-słowotwórcza*, t. 9. Człowiek, red. J. Siatkowski, J. Waniakowa, t. IX, Kraków.
- Redliński E., *Konopielka*, Warszawa 1973.
- Rembiszewska D.K., Siatkowski J., *Pogranicze polsko-wschodniosłowiańskie. Studia wyrazowe*, Warszawa 2018.
- Rembiszewska D.K., Siatkowski J., *Nawiązania czy pożyczki na pograniczu polsko-wschodniosłowiańskim*, cz. III, „Rocznik Słowistyczny” 2019, t. LXVIII, s. 49-101.
- Rembiszewska D.K., *Słownik dialektu knyszyńskiego Czesława Kudzinowskiego*, Łomża 2007.
- Rieger J., *Ukraińskie interferencje w słownictwie polszczyzny w Galicji*, [w:] *Ukraińs'ka mova v Hałyčyni: istorychnyy vymir*, red. Ya. Isayevych, M. Mozer, N. Khobzey, L'viv 2011.
- Sawaniewska-Mochowa Z., *Poradnik Jana Karłowicza jako źródło poznania potocznej polszczyzny północnokresowej. Słownictwo*, „Polono-Slavica Varsoviensia”, t. V, Warszawa, 1990.
- Siatkowski J., *Słowiańskie nazwy części ciała w historii i dialektach*, Warszawa 2012.
- Slovník jazyka staroslověnského*, red. J. Kurz, Z. Hauptová, sv. IV, Praha 1997.
- Sławski F., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, t. II, Kraków 1965.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov, sostavil (s II t. gl. red.) F.P. Filin (F.P. Sorokoletov)*, Moskva – Leningrad 1978, t. XIV.
- Slovník byelaruskikh havorak pavnochna-zakhodnyay Byelarusi i yaye pahranichcha u pyatsi tamakh*, red. Yu.F. Matskyevich, t. II, Minsk 1980.
- Sychta B., *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*, t. VI, Wrocław 1973.
- Tiktin H., *Rumänisch-deutsches Wörterbuch*, t. III, Bukarest 1925.
- Thumachal'ny slovník byelaruskay movy*, red. K.K. Atrakhovich (K. Krapiva), t. II, Minsk 1978.
- Tyszkiewicz J., *Mazowsze północno-wschodnie we wczesnym średniowieczu*, Warszawa 1974.
- Werenich V.L., *Pol'sko-belorusskoye vzaimodeystviye (na materiale mazurskiego ostrovnogo govora v Poles'ye)*, [w:] *Studia nad polszczyzną kresową*, 1990, t. V.
- Wójcik U., *Nazwy miejscowe dawnego województwa rawskiego*, Warszawa – Kraków 2001.

NOTY O AUTORACH

Dorota Krystyna Rembiszewska – doktor habilitowana, profesor Instytutu Slawistyki Polskiej Akademii Nauk.

Najważniejsze publikacje: autorskie – *Gwary nadbużańskie mazowiecko-podlaskie*, Łomża 2002; *Dynamika rozwoju gwary Knyszyna i okolic na Podlasiu w XX wieku*, Warszawa 2006; „*Słownik dialektu knyszyńskiego*” Czesława Kudzinowskiego, Łomża 2007; współautorskie: *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny* (t. IV, IX, X), (współautorzy Irena Maryniakowa, Janusz Siatkowski) *Różnojęzyczne słownictwo gwarowe Podlasia, Suwalszczyzny i północno-wschodniego Mazowsza*, Warszawa 2014; (współautor Janusz Siatkowski) *Pogranicze polsko-wschodniosłowiańskie. Studia wyrazowe*, Warszawa 2018.

ORCID: 0000-0003-0339-0879

E-mail: dorota.rembiszewska@wp.pl

Janusz Siatkowski – emerytowany prof. zw. dr hab., slawista, wieloletni pracownik Zakładu/Instytutu Słowianoznawstwa PAN oraz Instytutu Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Warszawskiego, wieloletni dyrektor tych instytucji, autor ponad 400 prac z dziedziny leksykografii czesko-polskiej, dialektologii słowiańskiej, historii języka polskiego i czeskiego, międzysłowiańskich i słowiańsko-niemieckich kontaktów językowych.

Najważniejsze publikacje: *Dialekt czeski okolic Kudowy*, t. I-II, Wrocław 1962, *Bohemizmy fonetyczne w języku polskim*, t. I-II, Wrocław 1965-1970, *Słowiańskie nazwy wykonawców zawodów w historii i dialektach*, Warszawa 2005, *Słowiańskie nazwy części ciała w historii i dialektach*, Warszawa 2012, (z D.K. Rembiszewską) *Pogranicze polsko-wschodniosłowiańskie. Studia wyrazowe*, Warszawa 2018.

ORCID: 0000-0003-4362-9426.

E-mail: janusz.siatkowski@wp.pl